

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, ведущего научного
сотрудника Грацианского Михаила Вячеславовича на диссертацию Цивилевой
Валентины Евгеньевны «Иудео-христианские взаимоотношения на
позднеантичном латинском Западе в IV – начале VII в.», представленной на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2.
Всеобщая история

Диссертационное исследование Цивилевой Валентины Евгеньевны посвящено теме, которая практически не затрагивалась в отечественной историографии. Исследование межконфессиональных и межрелигиозных отношений в истекшие 30 лет в силу понятных обстоятельств представляет собой важное и обширное направление в зарубежных антиковедении и медиевистике. Несмотря на то, что значительный перевес имеет исследование христианско-мусульманских отношений, изучение проблематики позднеантичной и средневековой истории иудеев и их отношений с христианством и исламом занимает здесь также видное место. Помимо аспекта, избранного соискательницей, следует отметить также наличие немалого количества новых работ, посвященных истории иудеев и их отношений с христианами на позднеантичном/ранневизантийском Востоке.

В настоящее время можно констатировать определенный расцвет позднеантичных исследований в России, важнейшей частью которого является изучение различных аспектов жизни регионов Римской империи в последний период ее существования на Западе и в эпоху становления варварских королевств на бывших римских территориях с IV по VII в. включительно. Настоящая диссертация является ярким примером этой тенденции. В ней не только впервые затрагивается масштабная историческая тема, дается глубокий анализ как современного состояния мировой науки на данном направлении, но и предлагается комплексный анализ значительного массива разножанровых источников — от письменных до археологических и эпиграфических.

Ярко выраженный синтетический характер исследования тем самым является сильной стороной представленной работы. Нельзя не отметить в этой связи и ее новизну, выраженную в постановке цели и задач исследования. Среди них присутствуют как задачи, решаемые традиционными историко-критическими методами, так и задачи, которые соискательница стремится решить посредством сравнительно нового метода «исторической имагологии», примененного теперь к истории иудео-христианских взаимоотношений в позднеантичный период. Основой для этого метода является выделенная и разрабатываемая по крайней мере с 90-х гг. прошлого века проблематика восприятия «чужого»¹. В своей работе соискательница демонстрирует как знание соответствующей методологической литературы, так и способность к применению представленных в ней методов.

В качестве источниковой основы исследования соискательницей выбран значительный массив латиноязычной литературы IV–VII вв., включая житийные, эпистолярные, законодательные и административные тексты и документы. Также автором диссертации привлекался эпиграфический материал. Материал избирался по

¹ Помимо приведенной соискательницей литературы отметим здесь еще один важный отечественный сборник: Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Под ред. Р.М. Шукурова. Москва: Алетейя, 1999. 380 с.

его принадлежности к западному (латинскому) христианскому ареалу избранного периода, т.е. в основе отбора лежал критерий языка. В результате, в работе присутствуют материалы итальянского, галльского, испанского и африканского происхождения, хотя африканские могли бы быть дополнены канонами африканских Соборов, которые также содержат отдельные нормы в отношении иудеев, пусть и весьма немногочисленные². Тем самым В.Е. Цивилева проанализировала значительный объем источников. Также для изучения темы привлечен большой массив научной литературы, включающий без малого 400 позиций. Соискательница проявила высокую компетентность в анализе источников и интерпретации их данных с опорой на уже имеющуюся достаточно богатую исследовательскую традицию изучения темы. Впервые в отечественной историографии ей удалось представить широкую картину бытования иудейских сообществ в период поздней Античности, их взаимоотношений с христианским окружением и отношения к ним самых различных слоев христианского общества: правителей, духовенства, христианских интеллектуалов и простолюдинов.

Диссертационное исследование В.Е. Цивилевой имеет хорошо продуманную структуру, вытекающую из характера располагаемых источников и способствующую достижению целей исследования. Оно состоит из введения, трех глав, насчитывающих в общей сложности 9 параграфов, заключения и списка источников и литературы. Первая глава в целом посвящена исследованию соискательницей христианского нарратива в отношении иудеев, создающего определенный образ последних. Параграф 1.1. имеет по большей части историографический характер, призванный осветить историю изучения создаваемого христианами образа иудеев и его сочетания с исторической реальностью. Речь идет об антииудейской риторике христианских сочинений. Параграф 1.2. посвящен исследованию конкретных примеров христианских нарративов, наиболее важным среди которых является письмо Севера Меноркского о жестоком конфликте между христианами и иудеями в начале V в. Этот и другие рассмотренные конфликтные сюжеты выявляют, согласно выводу диссертантки, топоры (или стереотипы) отношения христиан к иудеям и цели христианского духовенства, направленные на христианизацию находящихся в пределах их юрисдикции иудеев. Параграф 1.3. посвящен дополнительному доказательству выдвинутого прежними исследователями тезиса о том, что нарративы христианского духовенства в отношении иудеев преследовали цели формирования и укрепления собственной христианской идентичности посредством создания образа «чужого», отличающегося от христиан как религией, так и набором личных качеств.

Вторая глава целиком посвящена исследованию правового положения иудеев в IV – нач. VII в. посредством изучения правовых источников государственного и канонического права. Параграф 2.1. рассматривает и анализирует имперское законодательство IV–V вв. в отношении иудеев, содержащееся в Кодексе Феодосия. Автор делает вывод, что римское законодательство изученного периода в целом свидетельствует об уменьшении прав иудеев в сравнении с предыдущим периодом и о стремлении христианских императоров несмотря на в целом негативное отношение к иудеям поддерживать мирные отношения между подданными и общественный порядок. Следующий параграф посвящен светскому законодательству варварских королевств: остготского, франкского и вестготского. Автор отмечает спорадический и

² Concilia Africae A. 345 – A. 525 / Ed. C. Munier. [Corpus Christianorum. Series Latina; 259]. Tournhout: Brepols, 1974. XXXVIII, 425 p.

несистемный характер законодательства в отношении иудеев, сокращение его объема по сравнению с римским периодом и большее влияние церковных норм. Особенное внимание уделяется вестготским ограничительным законодательным мерам в отношении иудеев начиная с первой четверти VII в. В этом параграфе соискательница существенно выходит за заявленные в диссертации хронологические рамки работы. Параграф 2.3. посвящен анализу церковной канонической регламентации в отношении иудеев и отношений с ними христиан как духовного, так и светского звания. Автор отмечает повторяемость определенных норм, что, по ее мнению, свидетельствует о том, что ранее принятые нормы не выполнялись.

Третья глава освещает положение иудеев и их взаимодействие с христианами в социально-экономической сфере. С этой целью, наряду с уже задействованными, привлекаются и новые типы источников. Параграф 3.1. посвящен изучению социально-экономического положения иудеев на основе археологических и эпиграфических данных. Если археологические данные довольно скудны и малоинформативны, то эпиграфика дает более объемное представление об интересующем диссертантку вопросе. Выявляется картина глубокой интеграции иудейского сообщества в общество Римской империи, что подчас затрудняет выявление собственно иудейских материалов среди массива общих эпиграфических данных. Следует отметить, что основной эпиграфический материал относится к Италии римского времени. Недостаток презентации материала в этом параграфе, по моему мнению, обусловлен тем, что соискательница практически целиком ограничивается представлением выводов прежней исследовательской литературы, не анализирует самостоятельно первичный материал и фактически не дает читателю удостовериться как в правоте собственных выводов, так и в обоснованности выводов предшествующей историографии. Параграф 3.2. в этом отношении отличается в заметно лучшую сторону. Автор вновь возвращается к самостоятельному анализу первичных данных источников, отчасти привлекая новые сведения, отчасти предлагая новый аспект осмысления уже представленных данных законодательных и нарративных источников. Описываются возможные профессиональные и карьерные траектории, открытые для иудеев, их общественные и экономические отношения с христианами, ограничения, стоявшие на их пути по причине религиозного антагонизма и нацеленности христианского истеблишмента на крещение иудеев и их окончательную религиозную интеграцию. Последний параграф диссертации 3.3. целиком посвящен сведениям об иудеях в посланиях папы Григория I (590–604). Эти письма представляют целый ряд казусов, показательных для отношений между христианами и иудеями того периода, а также характеризующих личную позицию в отношении иудеев одного из виднейших христианских иерархов своего времени.

В Заключении В.Е. Цивилева подводит итог своему исследованию и суммирует его выводы.

Работа написана ясным языком, в целом отражающим академический стиль изложения. Опечатки в работе встречаются, однако их количество вовсе не является критическим. Впрочем, есть и недостатки: так, автор почти повсеместно путает слитное и раздельное написание слов «также/так же». Встречается монструозное псевдоученое выражение «агенты дифференциации», непонятное даже интуитивно. Диссертантка хорошо владеет латинским языком источников, что позволяет ей делать точные наблюдения над их содержанием и приходить к обоснованным умозаключениям.

Несмотря на новизну подхода к разработке темы, хорошее владение автором источниками и безусловные способности, проявленные в их интерпретации, диссертационное исследование В.Е. Цивилевой не лишено и определенных недостатков. В значительной мере они вызваны именно новизной темы для отечественной науки, обширностью и разноплановостью источниковой базы, требующей для своего осмысления глубоких и обширных познаний в самых разных аспектах бытия общества и государства поздней Античности. Некоторые проблемы создала и естественная необходимость поставить исследование в определенные хронологические и географические рамки.

Назовем здесь ряд моментов:

1. В работе фактически отсутствует обоснование хронологических рамок. Если нижний хронологический предел, совпадающий с началом официальной христианизации Римской империи, можно признать очевидным, то верхний предел — понтификат папы Григория I — выставлен скорее декларативно. Автор указывает (с. 53), что письменное наследие Григория «в определенном смысле заложило основы уже средневековой церковной политики в отношении иудеев», однако это утверждение не вытекает из анализа писем Григория, проделанного в параграфе 3.1. С другой стороны, анализируя вестготское законодательство VII в. в параграфе 2.2. и ссылаясь затем на него в разных частях работы, соискательница по факту существенно переступает через заявленные во Введении хронологические границы работы. По моему мнению, верхнюю границу исследования следовало передвинуть или обосновать лучше.

2. Географическое ограничение работы латинским Западом вполне понятно и само по себе может быть принято. На с. 53 автор декларирует серьезные различия межконфессиональной ситуации на Востоке и на Западе и ограничивается по этой причине исследованием Италии, Галлии, Испании, отчасти Африки. Такой подход вполне имеет право на существование, хотя в своих исследованиях лично я как раз исхожу из фундаментальной схожести большинства условий на Западе и на Востоке, по крайней мере в период существования Римской империи. Не навязывая своего взгляда, отмечу, что, анализируя, к примеру, законодательство Кодекса Феодосия, Валентина Евгеньевна вынуждена всё же иметь дело главным образом с восточным законодательством, составленным с учетом именно восточных социально-политических условий существования иудейских общин. Соискательница, конечно, оговаривает, что императорские законы издавались как общие для Востока и для Запада Римской империи, однако, это по сути дела было лишь идеологической декларацией. Законодательство Кодекса Феодосия в основном — восточное и применять его для иллюстрации положения иудеев и на Западе можно только с оговорками, особенно ввиду заявленного соискательницей отличия межконфессиональных отношений на Востоке.

3. Таким образом, заявленный неучёт восточной ситуации оказывается для соискательницы неабсолютным. У нее нет принципиального отказа и от грекоязычных источников, коль скоро используется Прокопий Кесарийский. Эти обстоятельства, с моей точки зрения, указывают на существенный пробел в источниковой базе исследования. Приводя пространный анализ восточного законодательства Кодекса Феодосия Валентина Евгеньевна необъяснимо отказывается от анализа законодательства Юстиниана в отношении иудеев. Законодательство Юстиниана двуязычно, причем практически все законы имеют официальную версию на латинском языке. Во времена папы Григория Великого

действие юстинианова законодательства распространялось на Италию, Африку и Южную Испанию, т.е. регионы, входящие в географические рамки исследования. Тот же папа Григорий жил именно в этом правовом поле и сам ссылаясь на кодексы и новеллы Юстиниана. Учесть эти материалы было тем проще, что имеется специальное двухтомное исследование, касающееся политики Юстиниана в отношении иудеев, содержащее в том числе материалы, непосредственно важные для заявленных целей и задач исследования соискательницы: Рабелло А.М. «Юстиниан, евреи и самаритяне в свете историко-литературных, церковных и юридических источников»³.

4. Фактический отказ от учета общесредиземноморского контекста (ср. с. 52) очевидно уменьшил эвристические возможности исследования. Так, учет ситуации на Востоке (включая и Африку) в первой трети VII в., характеризующейся вооруженными мятежами иудеев, резней ими христиан, сдачей ряда восточных городов, включая Иерусалим, персам, а затем благоприятным отношением к надвигающимся арабам, помог бы соискательнице, с одной стороны, осознать причины жестких мер по отношению к иудеям императора Ираклия (610–641), а с другой — сделать выводы о причинах такой же одновременной политики по отношению к ним в вестготском королевстве.

В целом неучёт общего средиземноморского контекста несколько подрывает следующее наблюдение как диссертантки, так и исследователя, на выводы которого она опирается: «Таким образом, вестготские правители, приняв христианство никейского образца, восприняли и антииудейскую риторику, которая была важной составляющей христианской картины мира. Как отмечает П. Фредриксен, в вестготском государстве светское законодательство и христианские риторические антииудейские традиции, соединившись, создали «политического иудея», чье существование создавало угрозу для церкви и государства, иудеи в очередной раз были «другими», на основе противопоставления которым строилась государственная идеология» (с. 177).

5. Вышеприведенные наблюдения над текстом диссертации наводят и на размышления скорее методологического порядка. Местами соискательница излишне доверяет предшествующей литературе, говорящей о намеренном создании христианами образа «риторического иудея», не имеющего ничего общего с реальным. Оставим за скобками соображение, откуда авторы знают о том, каким был «реальный иудей», если источники у нас у всех одни и те же, с абсолютным преобладанием христианских. Мы же не отрицаем, что христиане, полемизируя с еретиками и язычниками, имели в виду конкретные и реальные взгляды и мнения еретиков и язычников, хотя такая литература, конечно, не свободна от ошибок, натяжек и искажений, вольных или невольных. Язычник Юлиан Отступник, еретик Несторий или другой индивидуальный или коллективный объект идейной полемики были реальны, как и их взгляды. Для диалогичной интеллектуальной культуры поздней Античности, с другой стороны, вообще было свойственно выведение условного партнера по диалогу, но это не значит, что тот априори выражал нереальные или надуманные взгляды! Тогда почему мы считаем, что в отношении иудеев было не так, и выведенный в полемических трактатах образ был предельно абстрактным, выражал выдуманные взгляды, то есть был неким «риторическим иудеем»? Следует ли нам

³ *Rabello A.M. Giustiniano, ebrei e samaritani alla luce delle fonti storico-letterarie, ecclesiastiche e giuridiche. Vol. 1–2. Milano, 1987–1988.*

говорить аналогично о «риторическом Юлиане» или «риторическом Несторине» или всё-таки попытаться старыми добрыми сравнительными методами постараться вычленивать реальное и надуманное в полемических трактатах?

Изучаемый период, в конце концов, это раннеталмудический период — эпоха становления новых иудейских норм, имеющих ту же цель — формирование своего через опровержение и отвержение чужого. Враждебность раннего талмудизма к христианству также общеизвестный факт. И христианская полемика велась явно не только в академических целях и не оперировала только лишь надуманными категориями. Также она не преследовала только цели формирования и утверждения своего: она реально стремилась к изучению «чужого» с целью его более эффективного опровержения.

В целом отметим, что работе, конечно, не хватает обращения к этим вопросам. Понимаю, что это существенно превосходит возможности кандидатской диссертации, и потому ограничусь здесь призывом к учету конкретной подспудной конфессиональной ангажированности большей части представленной соискательницей во Введении историографии и к критическому отношению к нестандартным методологическим подходам.

6. Отмечу явную ошибку соискательницы, и в этом случае некритически последовавшей за литературой. Она касается трактовки эдикта от 10 марта 418 г. (CTh. XVI.8.24) как «полного запрета на занятие иудеями административных и военных должностей» (с. 152). Из текста явствует, что запрещена только военная служба (т.н. *militia armata*), причем состоящим в должности *agentes in rebus* и в дворцовой гвардии оставляется возможность выслужить оставшийся срок. О запрете государственной службы по гражданским ведомствам (*militia officialis* или собственно *administratio*) в законе вовсе не говорится. Там же выражение закона «честь куриальных должностей» (*curialium munerum honore*) диссертант странно передает как «пользоваться «привилегией» куриальной ответственности», хотя закон явно дает понять, что сохраняет за иудеями все возможности муниципальной службы и карьеры. Неверным тем самым является общий вывод диссертантки, что с «начала V века имперская администрация была почти полностью закрыта для иудеев (хотя практика могла отставать от предписаний, о чем говорит, например, письмо Севера Меноркского, в котором упоминаются иудеи, занимающие должности дефенсоров и комита)» (с. 160). Занятие иудеями муниципальной (дефенсор) и гражданской должности (комит) ярко свидетельствует здесь как раз об обратном.

Относительно иудея Феодора с Менорки (с. 216) в этой связи следует уточнить перевод: «он, исполнив в городе все должности курии (*in civitate autem cunctis curiae muniis exsolutis*), стал дефензором» (у автора: «он выполнял в городе все обязанности по курии»), т.е. текст свидетельствует о том, что Феодор прошел все ступени муниципальной карьеры (видимо, до дуумвира включительно) и в результате смог стать дефензором и патроном — т.е. занял уже сверхштатные почетные куриальные должности.

Ошибку диссертант далее повторяет на с. 217, говоря, что «во время произошедших на Менорке событий занятие административных должностей иудеями (в частности, должности дефензора) уже было запрещено». Сама же автор при этом упоминает (с. 218) бывшего наместника провинции иудея Литория, который сделал карьеру именно на гражданской службе. Это же утверждение о запрете иудеям всякой службы повторяется и в Заключение (с. 265).

7. Соискательница не показывает, на чем основывается ее предположение об изначальной свободе иудеев как таковых от куриальных обязанностей: вопреки ее утверждению отнюдь не все куриальные должности требовали принесения жертв и потому освобождение иудеев от всех муниципальных должностей не имело смысла и никогда не практиковалось. На основе этого ошибочного предположения соискательница делает вывод о постепенном лишении иудеев иммунитета и рассматривает его как ущемление их прав. Как следствие, она неверно трактует смысл законов Кодекса Феодосия о куриальном статусе иудеев. К примеру, на с. 154 она трактует закон 321 г. как позволяющий «нескольким представителям иудеев быть освобожденными от куриальных обязанностей» (CTh. 16.8.3). При этом в законе сказано, что таковые освобождаются только от «назначений» (*nominatationibus*), т.е. от занятия муниципальных должностей, которые всегда были сопряжены с личными расходами, а не от куриальных обязанностей вообще.

Более примечателен здесь закон Гонория от 398 г., который соискательница упоминает, но не раскрывает: в нем говорится, что иудеи, прикрываясь неким законом, изданным на Востоке, отказались от выполнения куриальных обязанностей в Калабрии и Апулии. Император отменяет действие такого закона («каков бы он ни был») на своей территории и требует от городов привлекать иудеев к исполнению куриальных обязанностей. Таким образом, тональность имперского законодательства заключалась в том, чтобы приравнять иудеев к прочим гражданам в вопросе несения общей куриальной повинности и не дать им от нее избавиться под предлогом религиозной исключительности. Тем не менее, несмотря на ошибки в рассмотрении смысла и содержания конкретных законов императоров в отношении куриалов, общий вывод диссертантки верен: «эта мера не может рассматриваться как антииудейская» (с. 155).

В целом данные рассуждения требуют от диссертантки более глубокого знакомства с принципами функционирования куриальной структуры позднеантичных городов. К сожалению, она почти целиком игнорирует соответствующую литературу. Так, основополагающее исследование римских позднеантичных государственных, гражданских и муниципальных институтов, трехтомник Арнольда Хью Мартина Джонса «The Later Roman Empire», диссертанткой один раз в сноске упоминается, однако совершенно не используется.

8. В целом на основании представленной диссертанткой в разделе 2.1. картины невозможно видеть каких-либо существенных, жизненно важных ограничений в отношении иудеев со стороны имперского законодательства. Было бы неплохо, если бы она, резюмируя, дала список прав, в которых были поражены иудеи за пределами военной службы. По нашим наблюдениям, уравнивая иудеев в отношении гражданских обязанностей, имперское законодательство дает жесткие предписания в отношении пограничных случаев, касающихся взаимодействия иудеев и христиан и выхода тех и других за установленные в отношении друг друга рамки. Т.е. законодатели по римскому обычаю «воздают каждому свое право».

Эпизод с убийством крестника франкского короля по имени Патир в качестве мести за иудея Приска (с. 234), вооруженное противостояние с иудеями на Минорке, оборона иудеями своего квартала в Неаполе против войск Велисария, позволяют сделать вывод о том, что иудеи были вполне способны отстаивать свое положение с оружием в руках — это могло быть одним из важных наблюдений работы, ярко характеризующих возможности и реальное положение иудеев. Ведь очевидно, что до запрета ношения и владения иудеями оружием никто из римских и варварских

властителей не додумался. Между тем, владение оружием — одно из ярких проявлений естественного права граждан, которого иудеев никто и не думал лишать в этот период.

Нам показалось тем самым, что соискательнице не вполне удалось показать, что «права иудеев действительно были значительно сокращены» к моменту составления Кодекса Феодосия и что выводы из данного параграфа можно сделать отчасти иные, хотя общая их тональность не вызывает принципиальных возражений.

Есть и ряд менее важных замечаний:

9. Там, где по смыслу текста имеется в виду «православный» или «православный», принято писать не «католический», а «кафолический» (ср. с. 126, 127, 136, 166, 171, 178, 190, 254 и т.п.). Католическая Церковь в современном принятом отечественном понимании — это Римская Церковь после 1054 г. В этой связи отметим также, что автор странным образом избегает употреблять слово «православный» (1 самостоятельное употребление на всю работу), предпочитая ему «ортодоксальный», зачастую ставя последнее слово в кавычки. В результате, к примеру, у автора в тексте появляются «ортодоксальные франки» (с. 137), хотя в данном случае более естественным будет сказать и «православные франки», и «франки-кафолики». В соседних фразах «христианство в его ортодоксальной версии» и «союз с католической церковью» (с. 166) «ортодоксальный» и «католический» присутствуют как синонимические эпитеты, что противоречит принятому словоупотреблению.

10. По ходу текста соискательница применяет то античные, то современные названия топонимов. С одной стороны, к примеру, Бурж, Юзес, Клермон, Милан, а, с другой — Август Трикастинорум, Бурдигала, Панорм, Каралис. Встречается и гибрид: античный Агригент, современный Агридженто фигурирует как Агригенто.

11. Не могу не отметить и высказывание соискательницы по моей собственной исследовательской теме. Даже несмотря на присутствие ссылки на мою статью, оспарю ее высказывание о том, что в период понтификата Григория I «продолжалось формирование концепции примата Римского престола» (с. 240). Понятие «примат» Григорий ни разу не использовал в своей обширной переписке, хотя бесспорно он был весьма высокого мнения о чести и статусе своего престола среди прочих Церквей. В связи с необычными обязанностями папы Григория диссертантка говорит об упадке «западной Империи в целом», однако в этот период никакой западной Империи не существовало — Италия была префектурой, а затем экзархатом единой Римской империи, централизованно управляемой из Константинополя.

12. Комментируя появление схожих по содержанию канонов на различных Соборах, Валентина Евгеньевна делает наблюдение: «Повторение одних и тех же постановлений может говорить нам о том, что, эти вопросы были все еще актуальны, что порой правила не соблюдались» (с. 191; ср. с. 194–195). На наш взгляд, автор не учитывает того обстоятельства, что Церкви на Западе не были подчинены одному административному центру и то, что принималось на каком-то маленьком региональном Соборе, не было обязательным для тех Церквей, которые в нем не участвовали. Узкорегionalный характер галльских Соборов и их разнесённость по времени следует учитывать. Повторение канонов следует рассматривать как постепенную рецепцию канонических норм отдельными региональными сообществами Галлии и Испании, а не как централизованный процесс.

Данные замечания никоим образом не меняют общего благоприятного впечатления от проделанной Валентиной Евгеньевной масштабной работы. Несмотря

на возможные, а местами и необходимые, уточнения и исправления, следует констатировать, что ей вполне удалось обосновать вынесенные на защиту положения. Рассмотренная и представленная тема исследования имеет серьезный потенциал развития в рамках подходов, предложенных и обоснованных диссертанткой, что лишний раз свидетельствует о ее актуальности и научной новизне.

Работа прошла необходимую апробацию. Соискательницей по теме исследования опубликовано 10 работ, из которых 4 — в изданиях, включенных в Перечень ВАК Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. Автореферат диссертации точно отражает ее содержание.

Таким образом, несмотря на сделанные в отзыве замечания, представленная к защите диссертация Цивилевой Валентины Евгеньевны «Иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном латинском Западе в IV – начале VII в.» является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Цивилева Валентина Евгеньевна безусловно заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2 – всеобщая история.

Официальный оппонент

доктор исторических наук (специальность 5.6.2 – всеобщая история), ведущий научный сотрудник Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в Средние века исторического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Грацианский Михаил Вячеславович

Контактная информация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Тел.: +7 9096675862. E-mail: gratsianskiy@mail.ru

«2» декабря 2025 г.

Подпись
М.В. Грацианский
заверяю

